

В известном ресторане «Юньдин» в городе А царил атмосфера уюта и роскоши. Чи Янь сидел напротив Ци Шоулиня. Вокруг них мужчины и женщины в элегантных нарядах с изысканными манерами пользовались столовыми приборами, разговаривая тихими голосами. Чи Янь был одет в простую белую рубашку без пиджака, выглядев даже более скромно, чем официанты. Он не привык к западной кухне и не умел обращаться с ножом и вилок, но знал, что громкие звуки за столом считаются невежливыми, поэтому ограничился только супом. Ци Шоулинь, конечно, заметил его неловкость и попросил официанта принести палочки.

— Спасибо... — смущённо произнёс Чи Янь, принимая их.

Он действительно был голоден, но даже с палочками ел осторожно, быстро пережёвывая пищу, словно боясь насмешек.

Ци Шоулинь это нисколько не смущало, наоборот, такой искренний и неумелый Чи Янь казался ему настоящим. Тот не разбирался в сложных названиях блюд, но ему всё нравилось. В таких местах обычно ценят атмосферу и возможность насладиться видом, но Ци Шоулинь заказал одно блюдо за другим, накормив Чи Яня до отвала.

— Наелся? — Ци Шоулинь поднял чашку с чаем, наблюдая, как Чи Янь с удовольствием выскребает остатки мороженого из стакана, держа серебряную ложку во рту.

Его глаза светились удовлетворением:

— Да!

Ци Шоулинь давно не видел Чи Яня таким счастливым. С тех пор, как он «взял его под опеку», тот всегда был покорным, даже в постели, когда его доводили до предела, он лишь тихо стонал, чаще всего подчиняясь без сопротивления.

Чи Янь, заметив, что на него долго смотрят, подумал, что снова вызвал недовольство Ци Шоулиня. Он убрал улыбку, положил ложку на место и начал складывать салфетку на коленях.

В ресторане играл саксофон, вокруг стояли свежие розы.

Но между ними не было ни романтики, ни намёка на близость.

Чи Янь складывал и разворачивал салфетку, не в силах воссоздать изящные формы, которые ей придавали официанты. У него был талант находить радость в мелочах, и он быстро погружался в это занятие.

Ци Шоулинь знал, что он отвлечён, но внезапное прерывание его увлечения было одним из его любимых развлечений.

— Ты... боишься меня?

Чи Янь вздрогнул, быстро взглянул на него, но Ци Шоулинь смотрел на пейзаж за стеклом, не

обращая на него внимания. Он немного расслабился — по крайней мере, это не был прямой вопрос.

Чи Янь подбирал слова. Конечно, он боялся, но не мог сказать этого прямо и не мог солгать.

— Я... просто думаю, что ты иногда бываешь другим.

— О? — Ци Шоулинь с интересом выпрямился. — Расскажи.

Чи Янь продолжал играть с салфеткой, но его сердце билось быстрее — это мог быть единственный шанс, чтобы Ци Шоулинь его услышал.

— Раньше... когда мы ходили в тот раз в ресторан с супом... ты казался...

— Ты тогда был в плохом настроении, не хотел говорить, почти не обращал на меня внимания...

Вспоминая, как Ци Шоулинь в холодную зимнюю ночь сидел на качелях, медленно раскачиваясь и глядя на огни города, голос Чи Яня стал мягче.

— Хотя я знал, что ты важный человек, мне казалось, что ты одинок. Как будто ты сбежал из своего мира, чтобы найти тихий уголок, где тебя никто не знает...

Именно тогда Чи Янь понял, что Ци Шоулинь не был таким, каким он его всегда представлял — словно выкованным из стали, железа и доспехов.

— И ты ещё заплатил за обед Юньюнь и её семье, добавил блюд... я понял, что ты не плохой человек...

Но почему тогда он так настойчиво преследовал его, если не был плохим.

Ци Шоулинь с интересом смотрел на него, едва сдерживая смех:

— Что ещё?

— Ещё... — Чи Янь уловил насмешливый тон и, словно издеваясь над собой, добавил:

— Ещё я глупый, не могу понять. На работе ты со всеми такой добрый и приветливый, а в остальное время — холодный и жестокий.

Чи Янь впервые осмелился посмотреть Ци Шоулиню прямо в глаза. Он сказал это, зная, что на публике тот не станет его бить.

К его удивлению, Ци Шоулинь остался спокоен. Поток машин на улице отражался в его чёрных глазах, словно медленно текущая река звёзд.

На рынке полно романов о любви, созданных для девушек или людей с Омега-характеристиками, где герои — всемогущие «альфа», способные разрушить мир ради своей любви. Кто-то восхищается ими, крича в интернете: «Х-босс, возьми меня!» Другие же насмеваются: «Просто у них есть деньги и они альфы. В наше время все равны, чего они выпендриваются?»

На самом деле Ци Шоулинь не хотел смеяться.

Но мог ли он сохранять холодное выражение лица, действуя так, как ему хочется, в бизнесе и переговорах?

Он отдал гораздо больше, чем просто улыбки.

В обществе, где важны связи, сколько сделок заключаются не за столом переговоров, а за обедом, за выпивкой, за...

«Сяо Ци, на этот раз конкуренция с компанией Х очень жёсткая. Если вы хотите, чтобы мы поставляли только для „Минчи“...»

«Ци. Мы не хотим завышать цену, но... как вы предлагаете поступить?»

«Ци Шоулинь, я скажу прямо. Наш директор очень занят, она редко бывает в городе А. Если вы хотите встретиться с ней, я могу подсказать вам путь...»

Некоторые люди с предубеждениями считают, что Омegi несут в себе изначальный грех, они соблазняют, очаровывают, стремясь быть захваченными...

Но есть и те, кто жаждет альфа, их сильных рук, широкой груди, окружённых мощными феромонами, желая испытать чувства, похожие на Омегов...

Ци Шоулинь знал, что его внешность была уникальной, даже уровень альфа-характеристик был исключительно высоким.

И это можно было использовать.

Ещё до того, как он стал влиятельным и его начали называть «Президентом Ци», он это понял.

— Да, ты прав, — Ци Шоулинь вернулся к реальности, спокойно сказав:

— На работе я уже устаю. Поэтому в остальное время не хочу больше улыбаться.

Чи Янь подумал, что это странный человек. Но лучше, чтобы он не притворялся, это пугало. Затем он спросил:

— Ты же президент, никто не заставляет тебя улыбаться.

Ци Шоулинь повернул голову к окну. Огни города А напоминали переплетённые ветви или паутину, простирающуюся до горизонта. Только в этом ресторане для избранных можно было увидеть такой вид, словно весь мир лежал у твоих ног.

— Я просто... хочу всегда видеть этот пейзаж, — Ци Шоулинь сложил пальцы на животе, откинувшись на спинку стула, словно монарх, созерцающий свои владения.

*

— Мистер Чи, перекусите что-нибудь и отдохните.

Тётушка Цю вынесла из кухни тарелку горячего супа с лапшой. Чи Янь всё ещё «грыз» книгу по языку Си. Он уже некоторое время делил постель с Ци Шоулинем, и тётушка Цю всегда была с ним добра и приветлива, не проявляя никакого пренебрежения.

— Спасибо, тётушка Цю.

Раз уж она приготовила и принесла, он не мог отказаться. Чи Янь закрыл книгу и сел за стол, чтобы поесть.

<http://bllate.org/book/15527/1380416>